

НОВАЯ
серия

анатолий
найман

__ экстерриториальность __

НОВОЕ
издательство

Анатолий Найман

Экстерриториальность

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3116255

Экстерриториальность: Новое издательство; М.; 2006

ISBN 5-98379-057-9

Аннотация

Анатолий Найман – поэт, прозаик. Родился в 1936 году. Автор поэтических книг «Ритм руки» (2000), «Софья» (2001), «Львы и гимнасты» (2001). В сборник «Экстерриториальность» вошли стихи начала 2000-х годов.

Содержание

Свой мир	5
«Быть под знаком, под дланью, под властью...»	5
«О каллиграфии и кляксах...»	7
«Жму на клавишу и на педаль...»	8
«Траурным шарфом клетка обвита...»	9
Самоубийство сумасшедшего	10
«Какую роскошную панихиду...»	11
«Скажите хоть, кто умер-то?...»	12
Джаз на радио «Свобода»	13
«Что за блаженство – у окна...»	15
Détroit	16
Госпиталь	17
1	17
2	18
«Вздорное, только вздорное...»	20
Кусты	22
1	22
2	23
«После северозападного, ночью вывшего «у!»...»	25
«Здесь кукушка из лесу благовестит...»	26
Ars poetica	28

«Что-то глаз и ухо дразнит...»	29
На Волге	30
«Коровки божьей, жука и мухи...»	31
«Всё, я уже ничего не знаю...»	32
Из Беранже	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Анатолий Найман

Экстерриториальность

Свой мир

**«БЫТЬ ПОД ЗНАКОМ, ПОД
ДЛАНЬЮ, ПОД ВЛАСТЬЮ...»**

Быть под знаком, под дланью, под властью
незнакомца, который один
учит жизни как хрупкому счастью,
но велит себя звать господин,

о, я за! Я-то за! Да и кто же
против?.. Кроме него одного —
в истонченной носящего коже
золотое мое вещество.

Рад служить – но плениться нельзя им
до конца как возлюбленным. Рад
жизнь отдать ему, но не хозяин
ей, а раб я. Так может ли раб?

Грош цена мне – но что ж с недоверья
начинать и, вспоров в Рождество,
выпускать из подушек, как перья,
неземное мое существо?

«О каллиграфии и кляксах...»

О каллиграфии и кляксах
ни-ни – ле неж д’антан. Молю,
преподавайте в младших классах
мой почерк. Стиль. Судьбу мою.

Чертите детям сетку линий,
написанную на роду
как клинопись лучей и ливней
руки, сходящихся в звезду.

В ней есть узор, а что извивы
от точки А до точки Б
сложны, то это танец Шивы,
напечатленный на судьбе.

Все дело в правильном наклоне
пера и глаза, на ходу
оставивших намек в ладони
татуировкой на роду.

«Жму на клавишу и на педаль...»

Жму на клавишу и на педаль
ну стони, фисгармония!
Отвращенье мое передай
к торжеству беззакония,
а точнее, к торжеству хоть чего,
хоть неведомой сущности.
Что за рабский восторг, что число
отчуждает от штучности!

В современный надрыв и напряг
свой скулеж под ударами
перекачивай с помощью тяг,
сколь бы ни были старыми.
Потому что и музыка сфер
без тебя, фисгармония,
не аккорд пустоты, а обмер.
Барабан. Церемония.

«Траурным шарфом клетка обвита...»

Траурным шарфом клетка обвита,
спит канарейка, полночь в кавычках.
Несправедливо, *fuga et vita*,
жизнь, убегая, время ей вычла.

Ведь и всего-то петь ничего ей,
даже у моря в климате жарком —
что ж ты, хозяин, собственной волей
свист ее душишь шелковым шарфом.

Участь и так уж пленной испанки
меньше пропета, больше забыта —
не досаждай ей в стужу, по пьянке,
жизнь, убегая, *fuga et vita*.

Самоубийство сумасшедшего

Всмотрись внимательно в того, кто наконец уходит.
Как зайчик солнечный сверкнул, как ласочка и рысь.
Не кланчил больше, да и что – дадут часочек, годик.
Кто, улыбнувшись, подмигнул, и был таков – всмотрись.

Он прав. Не говорите мне, что Бог им недоволен —
им, ужасавшимся, что скат карнизов тянет вниз,
что петлями ложится звон на землю с колоколен, —
и сам, зажав в губах язык, как колокол, повис.

На лишний вздох, на лишний миг, на лишний полдень
жадным
нам – он, дивясь, передает лицом, что быть в гробу
небоязно, да и пора когда-то, если ангел
давным-давно раз навсегда остановил судьбу.

«Какую роскошную панихиду...»

Какую роскошную панихиду
поют межсезонные менестрели,
когда каждой твари по паре и виду
их вдруг под окном соберется в апреле:

по снегу небесному, гревшему землю,
по углям, погаснувшим в печке, по дыму,
по пеплу Помпеи, по сгнившему стеблю
поют: упокой, кто ты есть, эту зиму.

Из клюва взорвавшейся почки Везувий
струну одуряет дымком поцелуя,
у певчих затем и застрявшую в клюве,
чтоб «памяти вечной» звенеть «аллилуйя».

Еще бы денек к тридцати – и на пляску
свернуло, какая не снилась Давиду.
И так уже слишком похоже на Пасху,
и слез не хватает допеть панихиду.

«Скажите хоть, кто умер-то?...»

Скажите хоть, кто умер-то?

Никто, мой милый. Просто пригрезилось под Шуберта, под опус 90.

Не то чтоб это реквием,
нет, скворушья экспромты,
пока мы кукарекаем,
что, дескать, все умрем-то.

Но переходит струнная
брань с магией всевластной,
ненужная, безумная,
в гипноз четырехчастный.

И тем, кто лепет и полет,
сведенный к венской смете,
с цикуткой соль-минорной пьет,
не обойтись без смерти.

Джаз на радио «Свобода»

Играя, Чарли для себя
мнет контрабас, а не для публики,
а даже если и на запись
спускает струны, как курок,
он это делает сопя,
сводя в одно, как беби кубики,
самой мелодии на зависть,
и спит за пазухой сурок.

У ритма есть своя стезя,
он ищет одобренья общества
постольку лишь, чтоб дали ужин
и на ночь черный алкоголь,
и, деку тонкую тузя,
негр должен притворяться дюжим,
пока на кухне тушат овощи,
кайенский перец и фасоль.

Звук будет короток и туп,
как ни елозь ладонь по струнам.
Подумаешь, какие барыни —
бычачьи жилы, медный нерв!
Выстраивает трио куб,
а не квадрат, дымя сигарами,
и негру быть не нужно умным,

когда играет соло негр.

Эй, Боб, эй, Билл, под утро стейк
с какой такой отбили дури вы?

Светает – туш! Уж лампы тушат.

Потек луизианский зной.

Рассвет – и никого из тех,

со мной смолил кто это курево,

из тех, со мной кто это слушал

перед последней тишиной.

«Что за блаженство – у окна...»

Что за блаженство – у окна
сидеть, когда за ним луна,
принадлежащая ландшафтам,
какие ты назначишь сам,
и в то же время небесам,
тьме, вакууму, астронавтам.

Взять хоть из сна сосновый бор
в фольге из жухлых серебёр
в час, как и череп твой стал жухлым,
а все равно и за версту
поблескивал, как бы в поту,
подобно статуям и куклам.

А сон-то, он ведь был про зной,
но изливаемый луной,
пустой, как замок, и прохладной,
куда попасть найдет манёвр
любой, кто жил. Кто жил – и мертв.
Измучившийся. Ненаглядный.

Détroit

Для тебя, лежащего в палате,
но не отдающего концы,
виснут синусоидой в закате
поперек всего окна скворцы.
А еще садятся и взлетают
за лесочком, где аэродром,
точно по прямой и не плуτούν
пчелы с механическим нутром.

Это сердце маленькое в роли
всадника и лошади труда,
стершееся до зубцов в короне
на руках внесло тебя сюда.
Вот и все. И этого довольно.
Что вы нас пытаете, мсье
де ла Мот, про то, что сердцу больно?
Маленькому сердцу больно все.

Госпиталь

А.Ш., D.G.

1

Где зима начинается в декабре
на пустом – только дуб и рябина – дворе
с белками, от дупла до дупла
скачущими, как ртуть,
моя кровь стежками из-за угла
проложила по снегу путь.

Это было в госпитале Сент-Джон.
Группы чаек, синиц, снегирей, ворон.
Хочешь не хочешь, едешь верхом
вдоль подернутых тонким ледком глубин,
и не очень трудно взобраться на холм,
когда в норме гемоглобин.

Это было на озере Клары Святой —
голый дуб да рябина, да дворик пустой.
И я чаще не тем, с кем съедал обед,
а с кем прежде ел, но чье время прошло,
просыпаясь твердил при встречах привет.

И мне было с ними тепло.

И скакала кровь, как рябины дробь,
и опять попадала не в глаз, а в бровь,
и хоть день и ночь говори я
им привет и имя: привет, имена! —
на уме оставалась Мария одна,
и не знал я, что за Мария.

2

В окно хирургии, горстями в стекло
и, как на молебне, с размаху окрест
кропильницы и себя самого
одними ударными, сухо оркестр
в бесчисленный раз репетирует соч.
для шума соломы и пороха туч,
и ритм их, без сна оставляющий ночь,
смешно сказать, не текуч, а тягуч.

Дождь льет до утра, и с ним до утра
с одним, потому что один он шустр,
кокетничает за пультом сестра,
чья очередь в списке ночных дежурств.
И птичкам и прочеркам в клетках графы
бубнит, отбывая часы, санитар:
– В какую струну ни затягивай швы,

смешно выздоравливать, когда стар.

«Вздорное, только вздорное...»

Вздорное, только вздорное
пробирается в сны.
Но внутри его черное
пламя ночной вины.
Из него-то и множатся,
чуть поглубже спустись,
скалящиеся рожицы,
и никак не спастись —

ибо и ты, бессонница,
жжешь аутодафе.
Видишь, куда все клонится,
сдайся на ночь, на две.
Жизнь субстанция нервная —
верно. Но ведь не вся.
Есть же еще резервная
у нее полоса.

Тех, в какие закутались
бабочки до весны,
дай мне одну из путаниц
размотать не на сны.
Кануть дай от усталости
просто в ночь, в никуда.
Но пусть дрожит – пожалуйста —

там хоть одна звезда.

Кусты

1

Еще из жизни прежней
следят за мной глаза,
а я уже нездешний,
прозрачная лоза.

Меня возводит в степень
созвездий – и в костер
ботвы кладет, как стебель,
ночной смятенный двор.

Туннель прута безбытен,
суха внутри струя —
признайтесь, что невиден
вам даже тенью я.

Тогда и я, хоть слов нет,
скажу, что воспален
зрачок мой, как шиповник,
шиповник, мой шпион.

Шиповник вне сезона,

вне замысла и чувств,
в твой короб, Персефона,
зерно стряхнувший куст —

чей корень рвет мне сердце,
как пурпурный шифон,
к потусторонней дверце
приколотый шипом.

2

Куст, изгибы судьбы,
как Минотавр и Минюст,
выводящий в шипы,
больше не куст, а Пруст.

Сгинул лес, где его
дядя Том как фантом
окружающего
звал, пугаясь, кустом.

То, как, дрожью пронзен,
прыскал он кровь и тряс
белый прах в чернозем,
было не битвой рас,

а франтовской примеркой

слов корневого гнезда,
скрытого бутоньеркой
аристократа-куста.

«После северозападного, ночью вывшего «у!»...»

После северозападного, ночью вывшего «у!»,
стало бело и ровно и, так сказать, красиво.
Но все равно летунью, севшую на метлу,
утром еще, как пьяную, боком к метро сносило.

В городе снежная буря – развлечение, эффект.
Фары и в окнах свет тут компаньоны плохие,
как для небесного пламени – тусклые догмы сект.
Что тебе люки, снег? Что вам асфальт, стихии?

Только и радость, что ночь, только пурге и надежд,
что балдахин, обрушивающий кружево паутины:
белые вспышки хлопьев – и слепота промеж,
как экран за мгновение до начала картины.

Что ж это нам показывали? То ли, как хороши
стены цивилизации? То ли, как плющат сушу
кости воды и воздуха? То ли, что у души
у мировой есть способы сплачивать наши души.

«Здесь кукушка из лесу благовестит...»

Здесь кукушка из лесу благовестит,
дескать, вот, пощусь и тащусь.
И глотает гусеница пестицид,
от себя, мол, сама лечусь.

Это в городе пьют с карамелью чай,
но пути туда топь да гать,
топь да гать километров тыща, считай,
не видать отсель, не слышать.

Это там телевизорный есть король,
на все руки мастак-мудрец.
А у нас он ноль, босота и голь,
на дырявой дуде игрец.

А ведь мы уж не то чтоб совсем куку,
не шалай-валяй – ведь у нас
жмудь-страна приснилась раз мужику
и не Шауляй – Каунас!

И хоть наша кровь не из тех европ,
а сама собой по себе,
но на вкус и запах она – укроп,

истолченный с солью к зиме.

Да не с той, что под веки сует себя,
солью зренья. А с той, что с век
вдруг слетает на теплую пыль, шипя,
как сухой не вовремя снег.

Ars poetica

Ю.К.

Исторгни тост не тост
Из говорения:
– За безответственность
Стихотворения!
За звук, не в очередь
На штамп ко вкладышу,
Не чтобы речь тереть,
Упавший на душу.
Не за в морщинах лоб
И палец к темени —
За вереницу слов
Без роду-племени.
За все, что числится
Как безыдейное —
Пей за бессмыслицу,
Возню постельную,
Бузу базарную...
За непохожее
На жизнь!
Чтоб шарм ее
Почуять кожейю.

«Что-то глаз и ухо дразнит...»

Что-то глаз и ухо дразнит,
мелко-мелко мельтеша:
дескать, gloria сик транзит, —
и давай кряхтеть душа.

Как в котле у юной ведьмы,
вскиснувшее вещество:
не иметь бы, не иметь бы,
не иметь бы ничего.

Ни готовить тайной встречи,
ни шутя орехи грызть,
ни роскошествовать в речи,
ни сосчитывать корысть.

...А куда же ты глядела,
когда девочкой была?
Для чего искала дела
и узор, как сеть, плела?

Вот и колет твой же острым
плавником тебя улов.
Щиплет йод. Не пир, не постриг
жизнь. Не память. Жизнь из слов.

На Волге

Волна набегаёт, и берег давай говорить —
о веслах, винтах, парусах и канатных паромах.
Она отвечает, но речи потеряна нить.
Доносится лишь: – Я не дура. – Я тоже не промах.

И было б забавно взаимное их хвастовство,
не бейся там сдавленный всхлип и мольба. Опозданье —
от века в ней свойство природы, тогда как его
природы ядро – неназначенных встреч ожиданье.

Лаская губу ль его заячью, волчью ли пасть,
щекочет она изъязвленное ею же нёбо.
И чья, непонятно, в их кашле натуга, чья власть.
И кто задохнулся, она или он? Или оба?

«Коровки божьей, жука и мухи...»

Коровки божьей, жука и мухи
трепещут крылышки и дребезжат,
и застревает в безвольном ухе,
чего не ловит надменный взгляд.

Ты, желтосиняя в алмазной крошке
стрекозья выставленность арт-нуво,
когда facetsки двуглазой брошки
и есть искусство – да ну его!

Вы – цапки, вы – ни на что не годный
без толку мечущийся блеск и гул,
изображающие то почетный,
то стерегущий нас караул.

Рука, прихлопни их, по треску дрови
в параде казнь признав. Но не угробь
улитку пламени и кокон крови.
Неповторимы огонь и кровь.

«Всё, я уже ничего не знаю...»

Всё, я уже ничего не знаю.
Не слышу даже того, что сам бормочу.
Из дел – заснув в октябре и очнувшись к маю,
сдать кровь и мочу – единственное по плечу.

Мне кто-то знаком, но кто, я не уверен.
Я что-то должен, только не помню что.
Не разберу, кто ангелом смотрит, кто зверем.
Несу, что ни попадя. Но хоть не вру зато.

Потому что не различаю неправду, правду.
Путаюсь, что мерещится, что наяву.
Всё отбирают. Взамен оставляют мантру:
«жив – выживаю – жизнеспособен – живу».

Из Беранже

Здравствуйте, дорогие. А где сестра?
В шапке кудрей, с антрацитовыми глазами.
Дома оставили, слишком стала стара.
Маска морщин с пепельными волосами.

Зря. Замысел, он как свет: всегда милосерд.
Вы, например – не хотели, а ведь пришли же.
Белая ковка локонов, татуировка черт —
вот что в фокусе. И никого нет ближе.

Правда: ступайте за ней, будьте уж так добры.
Пусть увидит, что согнут, но что встречаю стоя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.